

его, ежели он не пообещает жениться на ней завтра же; он пообещал: представьте себе, что это было не со страху. И в самом деле, он на ней женился, говоря, что пусть она шлюха, но он предпочитает иметь дело с этой, чем с другой.

У него было двое племянников, женатых на особах, репутацию которых пришлось создавать запово. Персан-Бурнонвиль расстался с выгодным аббатством ради Ла-Шезель, а Витри женился на крошке де Род, законность рождения которой была столь сомнительна, что пришлось дать двадцать тысяч акю Сенетерру, чтобы помешать ему раздуть гражданское дело.

Покойная г-жа дез Эссар держала своего мужа в полном подчинении и заставляла его называть ее детей князьями; она их прижила не от него и, дабы лишить наследства г-па де Витри, заставляла мужа продавать наследственные земли и покупать новые, с тем чтобы они являлись их общей супружеской собственностью. Маршал помолвил даже младшую де Роморантен, дочь одного из сыновей своей супруги, с сыном г-па де Бриенна; во впоследствии эта помолвка расстроилась.

Эта сумасбродка заставляла подавать себе одновременно семь-восемь супов в больших мисках, затем приносили индюшонка, двух цыплят и тушеное мясо, а на десерт — мягкий сыр, яблоки и варенье. В 1650 году, по весне, она вздумала очистить себе желудок и сказала сыну своего аптекаря, только что похоронившему отца: «Приготовьте мне то лекарство, что делал мне ваш отец». Неизвестно, допустил ли этот юноша какую-либо оплошность, но только дама бегала по нужде раз пятьдесят, потеряла много крови и едва не окачурилась. В следующем году она умерла. После ее смерти муж неожиданно обнаружил множество долгов: при жене порядка в доме не было, да и, кроме того, подле нее всегда находился кто-нибудь, кому, разумеется, нужно было хорошо платить. В Витри, коим Маршал управлял по особому указу, хотя и был единственным королевским заместником под началом принца де Конти, эта старая карта однажды притворилась, будто хочет что-то показать молодому кавалеру, который обедал у Маршала; оставшись наедине с этим молодым человеком, она сказала ему: «Задерите мне подол». — «Ступайте к черту, старая сука, — ответил тот, — подыщите для этого кого-нибудь другого».

Госпожа Л'Эвек, Ла-Барр, госпожа Компен

У некоего Тюрпепа, прокурора в Шатле, была дочь — одна из самых красивых девушек в Париже. Она была белокура, беллица и чудесно сложена; шел ей, должно быть, шестнадцатый год. Молодой стряпчий, по имени Патрю (это тот самый, что нынче стал членом Академии и пишет отличные сочинения в прозе), увидел ее на процессии по случаю Великого Юбилея (1625).¹ Ее красота поразила Патрю, да и не только